

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ "СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ" В РАССКАЗЕ Р. КИПЛИНГА "РИКША-ПРИЗРАК" И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

LEXICAL UNITS WITH THE "SUPERNATURAL" COMPONENT IN R. KIPLING'S SHORT STORY "THE PHANTOM' RICKSHAW" AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

A. Timofeeva

Annotation

The article is devoted to the analysis of lexical units with the "supernatural" component in R. Kipling's short story "The Phantom' Rickshaw" (1880). The research provides a comparative analysis of the short story's authentic text with its two Russian versions by E.N. Nelidova (1915) and A.M. Shadrin (1968). The article highlights the main principles of lexical units' with the "supernatural" component translation from English into Russian. The relevance of the research is due to insufficient degree of studying of lexical units' with the "supernatural" component translating from English into Russian in texts of mystical topic. The purpose of the article is to analyze the main features of the cross-language transferring of lexical units with the "supernatural" component from English into Russian and to identify the main patterns of using one or another translating method.

Keywords: supernatural, lexical unit, translation, connotation, a word, a phrase, semantics, translation method.

Тимофеева Анастасия Андреевна
Аспирант,
Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу лексических единиц с компонентом "сверхъестественное" в рассказе Р. Киплинга "Рикша-призрак" (1880 г.). В исследовании приводится сопоставительный анализ аутентичного текста рассказа с двумя его русскоязычными версиями – Е.Н. Нелидовой (1915 г.) и А.М. Шадрин (1968 г.). Также в статье анализируются основные принципы передачи лексических единиц с компонентом "сверхъестественное" с английского на русский язык. Актуальность исследования обусловлена недостаточной степенью изученности проблемы передачи лексических единиц с компонентом "сверхъестественное" с английского на русский язык в текстах мистической тематики. Цель статьи – проанализировать основные особенности межъязыковой передачи лексических единиц с компонентом "сверхъестественное" с английского на русский язык и выявить основные закономерности применения того или иного переводческого приёма.

Ключевые слова:

Сверхъестественное, лексическая единица, перевод, коннотация, слово, словосочетание, семантика, переводческий приём.

Лучшими произведениями Редьярда Киплинга считаются "Книга джунглей" (*The Jungle Book*), "Ким" (*Kim*), а также многочисленные стихотворения. В 1907 году Киплинг становится первым англичанином, получившим Нобелевскую премию по литературе. В этом же году он удостоивается наград от университетов Парижа, Страсбурга, Афин и Торонто; удостоен также почётных степеней Оксфордского, Кембриджского, Эдинбургского и Даремского университетов. Для произведений Киплинга характерен богатый язык, полный метафор. Писатель внёс большой вклад в сокровищницу английского языка [3]. Особое место в творчестве писателя занимают его *мистические рассказы*, таинственная атмосфера которых уносит читателя в *реалии потустороннего мира*.

Для анализа лексических единиц с компонентом "сверхъестественное" нами был выбран аутентичный текст рассказа Р. Киплинга "Рикша-призрак" (1880 г.) и

два его перевода на русский язык – Е.Н. Нелидовой (1915 г.) и А.М. Шадрин (1968 г.). Общий объём выборки в рамках научной статьи – 14 примеров из текста оригинала в сопоставлении их с переводными вариантами из двух русскоязычных версий рассказа.

"Необходимость найти ту оптимальную величину полноты и точности передачи системы смыслов оригинального речевого произведения, позволяющую говорить именно о переводе, а не о каком-либо ином виде межъязыкового посредничества, выдвигает на первый план проблему отношения исходного текста к тексту перевода" [1, с. 213–214].

Компонент "сверхъестественное" встречается уже в названии рассказа – "*The Phantom' Rickshaw*" – "*Рикша - призрак*". В отечественном языкознании первым лингвистом, начавшим теоретическую интерпретацию названия,

был А.М. Пешковский, который правильно установил основную статус названия – быть чем-то большим, чем обычное наименование объекта, то есть таить в себе еще какую-то внутреннюю, скрытую от нас сущность, которая до определенного времени как бы остается "вещью в себе", демонстрируя будущему читателю лишь намек на определенное содержание или же его сжатое представление [10]. Нужно отметить, что лексическая единица "phantom" для обозначения *призраков* и *привидений* в английском языке используется реже, чем лексема "ghost".

Словосочетание с компонентом "сверхъестественное" обнаруживаем в описании помешательства главного героя рассказа – бенгальского чиновника Пэнси: "He has, of course, the right to speak authoritatively, and he laughs at my theory that there was a crack in Pansay's head and a little bit of the Dark World came through and pressed him to death" [11]. Словосочетание "The Dark World" на русский язык может переводиться буквально – "Тёмный Мир." А.М. Шадрин предлагает следующий вариант перевода: "Разумеется, у него есть право утверждать это безапелляционно, и он просто-напросто смеется над моей теорией, что у Пэнси в голове была щель, через которую туда проникла нечистая сила, и что она-то и прикончила его" [4].

Словосочетание "нечистая сила" является не совсем верной передачей исходного значения, т.к. переводчик не соблюдает принцип сохранения национально-культурного колорита, используя приём лексической замены. Данное словосочетание более характерно для колорита русских произведений, например, русских народных сказок и повестей Н.В. Гоголя. Весьма интересным для анализа выступает переводческое решение Е.Н. Нелидовой в более ранней русскоязычной версии рассказа – "Без сомнения, он имеет право так говорить и смеяться над моим предположением, что в голове Пансея образовалась трещина, через которую попала туда частица элементов из потустороннего мира и довела его до смерти" [5, с. 6]. Словосочетание "потусторонний мир" семантически гораздо ближе к оригиналу, а лексической замене подвергается только слово "dark". Лексическая единица "потусторонний" является ему полноценным эквивалентом.

Единственный способ наиболее точной передачи содержания текста и авторских коннотаций средствами другого языка – это поиск иноязычных эквивалентов, в наибольшей степени соответствующих культурно-семантическим реалиям оригинала [7, с. 74–79].

Далее, в аутентичном тексте прослеживается функционирование уже лексической единицы "ghost", являющейся наиболее частотной в английском языке для обозначения *призраков* и *привидений*: "Then he took a feverish chill and all that nonsense about ghosts developed" [11]. Нужно отметить, что в переводном варианте А.М. Шадрина лексема

"ghost" передается несколько иначе: "А он еще вдобавок простудился – тут ему в голову и полезла вся эта чертовщина" [4]. На наш взгляд, лексическая единица "чертовщина" в данном случае выступает достаточно обобщенным и менее конкретным обозначением ситуации, из чего можно сделать вывод о том, что подбор максимально близкой по значению лексемы переводчиком был осуществлен совсем верно. Е.Н. Нелидова предлагает следующий вариант перевода: "Затем он схватил лихорадку, и тогда началась вся эта чепуха с призраком" [5, с. 6].

В данной интерпретации лексема "ghost" функционирует в том же контексте, что и в оригинале, а коннотация *потусторонности*, заявленная автором в переводе полностью сохранена.

Отметим также, что одним из лингвистических средств выражения понятия "сверхъестественное" в рассказе является словосочетание "to pass through" – "пройти через", "пройти сквозь", заключающее в своей семантике, в контексте данного произведения, коннотацию *потусторонности*, *бестелесности*, *призрачности*: "I had sparsely time to utter a word of warning when, to my unutterable horror, horse and rider passed through men and carriage as if they had been in air" [11]. В обеих русскоязычных версиях рассказа ситуация, заявленная в аутентичном тексте, передана верно: "Я успел только вскрикнуть: "Осторожно!", когда, к моему неописуемому ужасу, лошадь и наездница прошли сквозь людей и двуколку, как будто это был воздух" [4], "Я едва успел крикнуть предостережение, как, к моему величайшему ужасу, лошадь вместе с всадницей прошла сквозь людей и коляску, как будто все это было из воздуха" [5, с. 10].

В аутентичном тексте встречаем словосочетание "haunted with devils", переводящееся как "населенный дьяволами": "Either that I was mad or drunk, or that Simla was haunted with devils" [11]. В контексте художественной литературы мистической тематики данное словосочетание является гораздо менее частотным, чем, скажем, "haunted house" – "дом с привидениями". Необходимо отметить, что в русскоязычных версиях данного рассказа анализируемое выражение передано по-разному. А.М. Шадрин предлагает следующий вариант перевода: "То ли я был пьян или рехнулся, то ли в Симле водились злые духи" [4]. В данной интерпретации понятие "дьявол" заменяется понятием "дух", однако, между ними существует принципиальная разница. Понятие "дьявол" является антонимом понятию "Бог" и выступает в качестве обозначения правителя "Ада", в то время как понятие "злой дух" обозначает невидимого приспешника "дьявола", но не его самого. Однако, исходя из контекста оригинала, отметим, что лексическая единица "devil" употреблена Кипплингом во множественном числе – "devils" – , что, в его понимании, возможно, обозначает именно "злых духов", а употребление им этой лексемы вместо слова "spirit", являющегося наиболее частотным

для обозначения понятия "дух", объясняется стремлением особо подчеркнуть для читателя, что "духи" эти являются посланниками "дьявола". Исходя из этой гипотезы, отметим, что интерпретация А.М. Шадрина верна. Версия Е.Н. Нелидовой относит нас к калькированию исходного словосочетания – "Или я болен, или пьян, или вся Симла наполнена дьяволами" [5, с. 10]. Присутствие в переводе элементов дословности обусловлено целым рядом объективных причин, главной из которых является наличие семантического параллелизма языков, вытекающего из существования языковых универсалий [6, с. 151].

Одним из стилистических средств выражения понятия "сверхъестественное" в рассказе является сравнение: *"I plunged into the midst of the conversation at once; chatted, laughed, and joked with a face (when I caught a glimpse of it in a mirror) as white and drawn as that of a corpse"* [11]. Сравнительная конструкция *"a face...as white and drawn as that of a corpse"* – "лицо белое и вытянутое, как у трупа" несёт в себе резко отрицательную коннотацию, однако, задачей переводчика в данном случае выступает правильная передача коннотации *потусторонности*, заключённой в самом сюжете рассказа. Коннотация оказывает активное влияние на формирование ассоциативно-образного содержания лексических единиц. Необходимо отметить, что есть две дефиниции понятия "коннотация".

В настоящее время отмечается некоторая его "диффузность", которая связывается с фактом существования двух основных подходов к этому явлению. Так, с одной стороны, коннотацию рассматривают в качестве полной составляющей семантики слова (В. Н. Телия, И. В. Арнольд, Н. Г. Барышникова, Р. А. Будагов, В. Н. Комиссаров, В. И. Шаховский и др.). С другой стороны, коннотацию определяют как второстепенное значение (В. И. Говвердовский, Н. Г. Комлев, Н. А. Лукьянова, И. А. Стернин и др.). Но при этом практически все исследователи сходятся во мнении, что коннотация – это явление, включающее в себя языковые данные, не зависящие от человека, но помогающие ему анализировать и классифицировать информацию, получаемую им посредством восприятия аутентичного и переводного текстов. Следовательно, причиной использования коннотативных значений в тексте является необходимость акцентирования личностно важных для самого автора особенностей описываемых событий и характеристик действующих лиц [2, с. 191–210].

А.М. Шадрин предлагает следующий вариант перевода: *"Я сразу же ввязался в их разговор; я болтал, смеялся, шутил, а лицо у меня (я вдруг увидел его в зеркале) было совершенно белое и вытянутое, как у покойника"* [4]. В тексте перевода видим лексическую единицу "покойник", отрицательная коннотация которой выражена менее чем у лексемы "труп". Е.Н. Нелидова интерпретирует данный отрезок текста следующим образом: *"Я присоединился к их компа-*

нии, болтал, смеялся и жестикулировал, между тем как мое лицо (отражение которого я видел в зеркале) было бледно и вытянуто, как у мертвеца" [5, с. 11]. Функционирование в переводном тексте лексической единицы "мертвец" подчёркивает именно коннотацию *потусторонности*, так как семантика этой лексемы заключает в себе значение *зловещей и пугающей атмосферы загробного мира*.

Нужно отметить, что в переводе А.М. Шадрина встречаются случаи намеренного усиления коннотации *потусторонности*. Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты [9]. Так, в аутентичном тексте описание облика Пэнси после встречи с призраком не содержит в себе коннотации *потусторонности*: *"Three or four men noticed my condition; and, evidently setting it down to the results of over-many pegs, charitably endeavored to draw me apart from the rest of the loungers"* [11]. В аутентичном тексте обнаруживаем лексическую единицу "condition" – "состояние", которая в переводе А.М. Шадрина получает избыточное, преувеличенное значение за счёт использования переводчиком одновременно двух приёмов – лексической замены и добавления: *"Несколько человек обратили внимание на мой страшный вид и, должно быть, приписав его обилию выпитого коньяка, деликатно стали пытаться увести меня от собравшихся там гуляк"* [4]. Словосочетание "страшный вид" заключает в себе две коннотации – отрицательную и коннотацию *потусторонности*. В переводе Е.Н. Нелидовой коннотация *потусторонности* не подчёркивается за счёт использования приёма калькирования: *"Двое или трое заметили мое состояние и, приписав его излишней порции коньяку с содовой, старались увести меня от любопытных зрителей"* [5, с. 11].

В аутентичном тексте рассказа функционирует словосочетание с компонентом "сверхъестественное" *a face from the grave*: *"...and yet here, look you, in defiance of every law of probability, in direct outrage of Nature's ordinance, there had appeared to me a face from the grave"* [11]. Дословный перевод словосочетания – "субъект из могилы". А.М. Шадрин интерпретирует данное словосочетание следующим образом: *"И представьте себе, именно здесь, вопреки всякому вероятию, словно вызов, брошенный всем законам природы, мне явилась покойница"* [4]. Лексическая единица "покойница" безотносительно к контексту произведения коннотации *потусторонности* не содержит, однако, переводчику удаётся передать авторский замысел путём добавления лексемы "явилась", получив устоявшееся в русском языке словосочетание "явилась покойница", семантически указывающее на *потусторонность* описываемого явления. Е.Н. Нелидова предлагает следующий вариант перевода: *"И все-таки, обратите на это внимание, вопреки всяким законам, явно оскорбляя природу и ее веления, явился мне призрак из могилы"* [5, с. 11]. Переводчик вводит в текст лексему "призрак", имеющую ярко выраженную коннотацию *потусторонности*, тем самым сохраняя авторскую семантику.

Нужно отметить, что Р. Киплинг для обозначения *необъяснимого явления*, увиденного Пэнси, использует в рассказе три синонимичных лексических единицы: *"phantom", "ghost" и "apparition"*. Так, в аутентичном тексте рассказа встречаем следующие строки: *"The voice was as inexplicable as the apparition"* [11]. Лексема *"apparition"* на русский язык переводится, как *"призрак", "привидение"*. Версия А.М. Шадрина такова: *"Голос оставался столь же необъяснимым, как и видение"* [4]. Лексическая единица *"видение"* несёт в себе коннотацию *загадочности, мистической атмосферы*, однако, *точным эквивалентом* аутентичной лексеме не является. Е.Н. Нелидова предлагает идентичный вариант перевода: *"Голос был так же необъясним, как видение"* [5, с. 11]. Однако, данные варианты переводов, на наш взгляд, всё же являются допустимыми, так как не нарушают единства идейно-образного содержания аутентичного текста при переводе [8].

В аутентичном тексте рассказа встречается также словосочетание *"the ghostly occupant of the rickshaw"* - *"призрачный обитатель (пассажир) рикши"*: *"I had originally some wild notion of confiding it all to Kitty; of begging her to marry me at once; and in her arms defying the ghostly occupant of the rickshaw"* [11]. Автором подчёркивается, что рассказчик воспринимает призрака как живого человека, однако, в данном словосочетании также сохраняется и коннотация *потусторонности*. А.М. Шадрин предлагает следующий вариант перевода: *"Поначалу мне пришла в голову дикая мысль: все рассказать Китти, попросить ее поскорее стать моей женой и в ее объятиях вступить в борьбу с призраком, разъезжающим в рикше"* [4]. Лексическая единица *"occupant"* - *"обитатель", "пассажир"* опущена. Переводчиком используется только выражение *"призрак, разъезжающий в рикше"*. Е.Н. Нелидова предлагает схожий вариант перевода: *"У меня явилась оригинальная, несколько дикая мысль рассказать все Китти, просить ее тотчас же обвенчаться со мной, чтобы в ее объятиях забыть о призраке в рикше"* [5, с. 11]. Однако следует отметить, что в переводе А.М. Шадрина есть некоторое указание на *вещественность, реальность потустороннего явления*, увиденного Пэнси, выраженное лексической единицей *"разъезжающий"*, указывающей на активные действия со стороны призрака.

Лексическая единица *"ghost"* является в рассказе наиболее частотной лексемой с компонентом *"сверхъестественное"*: *"One may see ghosts of men and women, but surely never of coolies and carriages"* [11]. А.М. Шадрин приводит эквивалент данной лексической единицы в русском языке: *"Бывают призраки мужчин и женщин, но, уж, разумеется, не может быть призраков кули или двуколки"* [4]. В переводе наблюдается *лексический повтор*, отсутствующий в аутентичном тексте, что, тем не менее, позволяет утверждать о том, что данный вариант перевода допустим. Е. Н. Нелидова лексического повтора не допускает: *"Можно видеть призраки мужчин, женщин, но уж никак не рикши или коляски"* [5, с. 11].

Сюда же можно отнести и следующий пример из аутентичного текста рассказа: *"Fancy the ghost of a hill man!"* [11]. А.М. Шадрин также предлагает эквивалент лексической единицы *"ghost"* в русском языке: *"Не хватало бы еще увидеть призрак мусорщика!"* [4]. В переводе Е.Н. Нелидовой данное предложение отсутствует.

В аутентичном тексте рассказа обнаруживаем ещё одну лексическую единицу с компонентом *"сверхъестественное"* - *"the Horror"* - *"Ужас"*, которая является, фактически, ещё одним авторским средством номинации *призрака*, увиденного Пэнси: *"As a fitting climax, in the middle of the level men call the Ladies' Mile the Horror was awaiting me"* [11]. У А.М. Шадрина видим приём калькирования данной лексемы на русский язык: *"В довершение всего оказалось, что на середине ровной дороги, которую здесь называют Дамской, меня поджидал Ужас"* [4]. Е.Н. Нелидова, не смотря на использование калькирования при переводе на русский язык, не соблюдает коннотации, заявленной автором - номинации *призрака* при помощи данной лексической единицы: *"В заключение в середине площадки, называемой Дамской, ждал меня ужас"* [5, с. 12]. Лексема *"ужас"* в данной интерпретации представляет не номинацию *сверхъестественного явления*, явившегося Пэнси, но указывает скорее на саму ситуацию, безотносительно к конкретному субъекту действия в связи с употреблением в тексте перевода строчной буквы, а не заглавной.

В аутентичном тексте рассказа автором подчёркивается, что рассказчик воспринимает *призрака* как живого человека, что выражается словосочетанием *"ghostly employments"* - *"призрачные наниматели"*, также указывающим на признак активных действий со стороны *сверхъестественного субъекта*: *"So there were ghosts of rickshaws after all, and ghostly employments in the other world!"* [11].

А.М. Шадрин несколько изменяет структуру предложения, заменяя исходное словосочетание *"призрачные наниматели"* лексической единицей *"нанимать"*, тем самым напрямую указывая на активные действия со стороны *сверхъестественного субъекта*: *"Так, выходит, действительно существуют призраки рикши и на том свете их тоже нанимают!"* [4]. Е.Н. Нелидова интерпретирует это предложение несколько иным образом: *"Следовательно, могли являться призраки рикши и призраки слуг с того света"* [5, с. 13].

В данной версии переводчик использует *лексический повтор*, а словосочетание *"призрачные наниматели"* передаётся на русский язык антонимичным выражением *"призраки слуг с того света"*, что является не совсем верной передачей значения. Следует также отметить, что словосочетание *"the other world"* - *"другой мир"* на русский язык обоими переводчиками интерпретируется характерным для русского языка словосочетанием *"на том свете"*, *"с того света"*, а коннотация *потусторонности*, заявленная автором, в этом случае, полностью сохраняется.

В целом, необходимо отметить, что оба перевода являются в достаточной степени адекватными, а эквивалентность ряда сегментов текста, несущих в себе компонент "сверхъестественное" не подлежит сомнению. Так, оба переводчика чаще всего используют приёмы лексиче-

ской замены и добавления с целью сохранения авторских коннотаций.

Кроме того, оба переводчика стремятся подбирать наиболее точные эквиваленты при передаче значений исходных лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода [Текст]: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 543 с.
2. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. – 250 s.
3. История английской литературы. – Т. 2. М.: изд. Наука".1955. – 350 с.
4. Киплинг Р. Рикша–призрак [электронный ресурс]//. – <http://e-libra.ru/read/323474-riksha-prizrak.html> – пер. с англ. А.М. Шадрина.
5. Киплинг Р. Собрание сочинений в 6 т. М., Терра, 1996. Том 4 – 448 с. 5 – 29. – пер с англ. Е.Н. Нелидовой.
6. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. 2-е изд. М.: ЛКИ. 2007. – 167 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк. 1990. – 253 с.
8. Лебедева А.А. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе художественных текстов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2013. № 3. – с. 74–79.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: наука, 2003. – 318 с.
10. Шелепова А.С. Название как кодовая единица текста. М.: КД. 2003. – 124 с.
11. Kipling R. "The Phantom' Rickshaw" [электронный ресурс]//. – <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/PhantomRickshaw/phantomrickshaw.html>

© А.А. Тимофеева, (padme-timofeeva@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

